

Художественная специфика семейного дискурса в «Домострое»

М.С. Степанова✉

Сретенская духовная академия, Москва, Российская Федерация

✉ litzma655@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В настоящее время все чаще говорят о возрождении традиционных семейных ценностей и укреплении семьи: в семье закладываются основы для жизни отдельного человека, семья – опора всего государства. В этой связи актуальным и важным видится обращение к художественной специфике семейной тематики в литературе Древней Руси, в частности, в «Домострое», представляющем нравоучительный сборник правил и наставлений о жизни семьи. **Цель.** Проанализировать художественные особенности семейного дискурса в «Домострое». **Гипотеза.** Анализ художественной специфики семейного дискурса в сборнике «Домострой» позволит понять аксиологические ориентиры древнерусского книжника в вопросах отношений между супругами, между родителями и детьми. **Методы и материалы.** При анализе использовались следующие методы: дефиниционный метод для определения семантики языковых единиц семейного дискурса в «Домострое»; метод контекстуального анализа для анализа лексического окружения, в котором находятся рассматриваемые языковые единицы; метод описательной поэтики для анализа художественного своеобразия семейного дискурса в «Домострое»; герменевтико-интерпретационный метод для интерпретации текста и художественных особенностей сборника. Исследование проводилось на материале текста «Домостроя». **Результаты.** Результаты показали, что художественное своеобразие семейного дискурса в «Домострое» объективируется принципами христианского символизма и идеализации, антитезы добродетели и греха, системой изобразительных мотивов, эпитетов, метафор и символов. **Выводы.** Показано, что художественная специфика семейного дискурса в «Домострое» обусловлена аксиологическими ориентирами средневекового книжника и его религиозным мировоззрением.

Ключевые слова: древнерусская литература, поэтика, Домострой, семья

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования И.В. Дергачеву.

Степанова М.С. (2025)
Художественная специфика семейного дискурса в
«Домострое»
Язык и текст, 12(3), 77—85.

Stepanova M.S. (2025)
Artistic specificity of the family discourse in
Domostroy
Language and Text, 12(3), 77—85.

Для цитирования: Степанова, М.С. (2025). Художественная специфика семейного дискурса в «Домострое». *Язык и текст*, 12(3), 77—85. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120307>

Artistic specificity of the family discourse in Domostroy

M.S. Stepanova✉

Sretensky Theological Academy, Moscow, Russian Federation

✉ litzma655@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Revival of traditional family values and strengthening of the family are in widely discussed nowadays. The family lays the foundation of an individual's life, the family is the backbone of the entire state. In this regard, it seems relevant and important to turn to the artistic specificity of the family topic in the Early Russian literature, in particular, in Domostroy, a set of moral rules and instructions on family life. **Objective.** To analyze the artistic features of the family discourse in Domostroy. **Hypothesis.** The analysis of the artistic specificity of family discourse in Domostroy will be instrumental in understanding axiological guidelines of the Early Russian writer in the context of relations between spouses, between parents and children. **Methods and materials.** The following methods were used in the analysis: definitional method for determining the semantics of linguistic units of the family discourse in Domostroy; the method of contextual analysis for analyzing the lexical environment in which the linguistic units under consideration are located; the method of descriptive poetics for the analysis of the artistic originality of the family discourse in Domostroy; the hermeneutic-interpretative method for interpreting the text and artistic features. The study was conducted on the material of Domostroy. **Results.** The results showed that the artistic originality of the family discourse in Domostroy is caused by the principles of Christian symbolism and idealization, the antithesis of virtue and sin, the system of pictorial motifs, epithets, metaphors and symbols. **Conclusions.** The results showed that the artistic specificity of family discourse in Domostroy is conditioned by the axiological guidelines of the medieval writer and his religious worldview.

Keywords: early Russian literature, poetics, Domostroy, family

Acknowledgements. The author is grateful for assistance in data collection to I.V. Dergacheva.

For citation: Stepanova, M.S. (2025). Artistic specificity of the family discourse in Domostroy. *Language and Text*, 12(3), 77—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120307>

Введение

Семья играет важнейшую роль в жизни отдельного человека и целого народа. Для определения традиционных семейных ценностей русского народа особую значимость представляет нравоучительный сборник «Домострой» – важнейший источник для анализа семейной тематики в древнерусской книжности, поскольку в нем не просто излагаются мелкие практические рекомендации для жизни семьи, но, по слову Д.С. Лихачева, описывается, «как устроить свой дом так, чтобы в него было “как в рай войти”» (Лихачев, 2000, с. 13–14). В этом контексте актуальным видится рассмотрение художественной специфики семейного дискурса

в «Домострое»; ее анализ позволит определить аксиологию древнерусской семьи, ее духовно-нравственную основу и ориентиры. Ранее художественные особенности, связанные с семейной тематикой в древнерусской литературе, фрагментарно рассматривались в исследованиях В.П. Андриановой-Перетц (Андрианова-Перетц, 1974), в частности в контексте связи «Домостроя» и другого учительного сборника «Измарагд», Д.С. Лихачева (Лихачев, 1979), Д.С. Демина (Демин, 2009), О.А. Туфановой (Туфанова, 2020); художественное своеобразие «Домостроя» рассматривал В.В. Колесов (Колесов, 2007); вопросы семьи в «Домострое» анализировались И.Е. Забелиным (Забелин, 2014), Л.П. Найденовой (Найденова, 1996; Найденова, 2003), В.В. Колесовым (Колесов, 2007), Н.Л. Пушкаревой (Пушкарева, 1989). Исследования художественных особенностей семейного дискурса «Домостроя» ранее не проводилось.

Результаты

Отличительной особенностью средневековой книжности и древнерусского мировосприятия, как известно, является христианский символизм: жизнь земная есть символ, отражение мира небесного; жизнь земная временна и конечна, жизнь после смерти – вечна. Поэтому перед человеком в земной жизни открываются два пути – путь добродетели, ведущий к блаженной жизни в вечности, и путь греха, ведущий к вечным мукам и гибели. Христианский символизм и характерная для него антитеза добродетели и греха нашли отражение в наставлениях «Домостроя». С добродетелью, ведущей к жизни вечной, в сборнике сопряжено «житие по правде» – «аще кто по Бозе живет и по заповедемъ Господнимъ, и по отческому преданию, и по християньскому закону» (Домострой, 2000, с. 148). С грехом, и как следствие, духовной гибелью, связано «неправедное» житие – это жизнь не «по християньскому житию», совершение всякой «неправды и насилия», «блудъ, нечистота, сквернословие и срамословие, клятвопреступление, и ярость, и гневъ, и злопамятство» (Домострой, 2000, с. 146). В сборнике содержатся предостережения, объективируемые посредством гиперболизации и синонимических повторов: «неправедно» творящие «*все* вкупе будутъ во аде, а zde прокляти <...>, а от Бога не помилованъ, а от народа проклят <...>; своей души на погибель, а дому тщета, и *все* проклятое, а не благословенное» (Домострой, 2000, с. 146). Такой изобразительный прием, как представляется, можно обозначить термином Д. С. Демина «нагнетательная» образность. Для нее характерно повествование в «усилительно-сдваивающей манере» (Демин, 2009, с. 292): неправедно живущие будут в вечной жизни «во аде» и «зде прокляти» (Домострой, 2000, с. 146), от Бога не помилованы и прокляты от людей; на погибель своей душе и тщета их дому.

Другая художественная особенность «Домостроя», обусловленная христианским символизмом, состоит в том, что для него характерна идеализация: в сборнике отображается «идеал» семейной жизни, «унификация, идеализация и поэтизация быта» (Лихачев, 2000, с. 13–14). На это указывают первые слова сборника – в поучениях излагается, «како по Бозе жити» (Домострой, 2000, с. 118) христианину и его семье; жить следует так, «сей памяти писано» (Домострой, 2000, с. 168), чтобы «воплотить в семье – “малой церкви”, духовные идеалы христианского служения» (Канюк, 2024, с. 193). Схожую мысль высказывал В.В. Колесов: «...непосредственность чувства, искренность и упорное стремление к утверждению нравственного идеала» (Колесов, 2007, с. 305) – главное, что определяло намерения составителя. Как отмечает Ф. И. Буслаев, для древнерусского книжника было характерно возноситься «из скудной действительности старого русского быта в светлую область поэзии», к идеалу. Поэтому в древнерусских памятниках изображался «высший,

идеальный мир» (Буслаев, 1990, с. 263), идеал нравственного совершенства с тем, чтобы удовлетворить духовные потребности человека. Идеализация, по слову Д. С. Лихачева, является одним из художественных методов древнерусской литературы (Лихачев, 1979, с. 89). Стремление к высшему образцу в средневековой литературе обусловлено христианской верой и мировоззрением: достижение идеала есть уподобление Богу, то есть обожение, святость и спасение души (Малков, 2017, с. 16).

Обозначенные тезисы обуславливают другую художественную особенность рассматриваемого сборника. В нем в качестве мотивов – устойчивых повторяющихся идей, «осуществляющих конструктивно-смысловые “сцепления”» в тексте (Тюпа, 2008, с. 54), – выступают фразеологические единства, представляющие собой церковные штампы (Никифоров, 1947, с. 78). К таковым можно отнести «страх Божий», «Страшный суд», «память смертная» и пр. Например: «Аще сего моего писания не внемлете и наказания не послушаете <...>, сами себе ответь дадите въ день *Страшнаго суда*» (Домострой, 2000, с. 116); «...веруй воскресению мертвым и жизни будущаго века, помяни *Страшный судъ*, и воздаяние по деломъ будетъ намъ» (Домострой, 2000, с. 118); «...та вся дела предстанут в день *Страшнаго суда*» (Домострой, 2000, с. 126). С мотивом памяти о Страшном суде в сборнике сопряжены мотивы памяти смертной и страха Божиего: «...*страхъ Божий* всегда имей в сердцах своемъ и *память смертную*» (Домострой, 2000, с. 120); «...живи <...>, постоянно ожидая *часа смертного*» (Домострой, 2000, с. 120); «...дочери растутъ, а *страху Божию* и вештвув учатся» (Домострой, 2000, с. 132); «...домочатцевъ своихъ учи *страху Божию*» (Домострой, 2000, с. 138). Для христианского мировоззрения, к которому «принадлежало мировоззрение древнерусского книжника, характерно осмысление жизни через «память смертную и Страшный суд» (Дергачева, 2017, с. 78). Идея богобоязненности представлена в «Домострое» как благоговейное исполнение христианских заповедей, положительно воздействующие на весь образ жизни человека и его семьи. Мотивы памятования о смерти и дне Страшного суда составитель сборника транслирует с той целью, чтобы привести человека и его семью к спасению в жизни вечной, с тем, что спаслось как можно больше людей.

Отношения между мужем и женой в «Домострое» подчинены этикету, «традиции, обычаю, церемониалу» (Лихачев, 1979, с. 80). В художественном плане роль мужа в семье объективируется через глаголы «учити», «наказывати», «вразумляти». Например: «...жену поучающе, тако же и домочадцов своихъ наказующе...» (Домострой, 2000, с. 150); «...подобаетъ поучити мужемъ женъ своихъ...» (Домострой, 2000, с. 116), «...[мужу надлежит] свою жену наказывати всякимъ разсужениемъ и учити...» (Домострой, 2000, с. 166). Муж выступает наставником своей жены и домочадцев (Черная, 2008, с. 182). Жене подобает с ним обо всем советоваться и спрашивать, покоряться ему: «...жены мужей своихъ вопрошают о всякомъ благочинии, <...> во всемъ ему покарятися; и что мужъ накажетъ, то с любовию приимати и творити» (Домострой, 2000, с. 150). Власть мужа над женой и покорность жены мужу этикетны – это «закон, соответствующий иерархичности построения сословного государства» (Пушкарева, 1989, с. 87). Такое осмысление вписывается в парадигму патриархальных идеалов средневековой Руси (Ищенко, 2005, с. 123).

Для наставлений сборника об отношениях между супругами характерна эмоциональность, раскрываемая в контексте темы супружеской любви. «Домострой» проповедует, что мужу следует жену «любити» (Домострой, 2000, с. 130), «любовию наказывати» (Домострой, 2000, с. 166), с ней «жити в любви и чистосердии» (Домострой, 2000, с. 166). В случае недопонимания мужу надлежит жену «жаловати», «пожаловати, и «примолвити» (Домострой, 2000, с. 166); обозначенные слова принадлежат к семантическому полю слова «любовь»

(Колесов, 2006, с. 356). Как следует из приведенных примеров, в которых преобладают глагольные наставления, супружеская любовь в «Домострое» изображается как отношение и действие. Обозначенный тезис подтверждает В. В. Колесов: «...для русского чувства, по-видимому, наиболее характерно понимание любви как отношения» (Колесов, 2006, с. 356), или любви деятельной.

Роль женщины как хранительницы домашнего очага изображается в контексте темы мирского аскетизма – жена должна быть «страдолюбива». Значимость трудолюбия для женщины объективируется через систему антропоморфных метафор, заимствованных из Книги Притчей Соломона: «...от плода *руку* своею насадит тяжание много; препоясавше крепко *чресла* своя, утвердит *мышца* своя на дело» (Домострой, 2000, с. 136), «*руце* свои простирает на полезная, *лакти* же своя утверждает на вретено». Более того, у доброй жены «не угасает светилникъ ея всю ночь», милость она «простирает убогу, плод же подаетъ нищим». Для описания образцовой жены в «Домострое» используются положительно маркированные эпитеты «добрая», «благоразумная», «домовитая», «страдолюбивая», «молчаливая». В памятнике выражается мысль о том, что добрая жена – залог благоденственной жизни мужа; это раскрывается через экспрессивные средства изобразительности – метафоры «дражайши камени многоценнаго», «корабль куплю деючи», «венецъ есть мужеву своему».

Центральное место в «Домострое» отводится теме отношений двух поколений, «отцов» и «детей», это отражает сама концепция памятника – он представляет собой наставление отца сыну. В контексте отношений между родителями и детьми в сборнике ярко проявился художественный принцип христианского провиденциализма: «неизменно подчеркивается, что жизнь и смерть человека – в руках Божиих» (Конявская, 2016, с. 24). В «Домострое» Бог «посылает» или забирает детей: «...пошлет Бог кому детей – сыновей или дочерей...» (Домострой, 2000, с. 130); «...аще отъ таковых которое чадо Богъ возьметъ» (Домострой, 2000, с. 132), «...а по судбамъ Божиимъ толко та дочь преставится...». Для «Домостроя» характерно «постоянное присутствие Божественного промысла в земной жизни», устанавливающее «неразрывную связь мира с его Творцом» (Черная, 2008, с. 83), Божественное провидение участвует «в разворачивании общего плана мироздания» (Чумакова, 2001, с. 118).

Наставлениям о воспитании детей в сборнике, как представляется, присуща эмоциональность, раскрываемая через «абстрактный психологизм» – изображение «психологических состояний человека, его чувств, эмоциональных откликов на события внешнего мира» (Лихачев, 2015, с. 123). В сборнике эти «психологические состояния», и эмоции выражаются через родительскую любовь к детям. В «Домострое» подчеркивается, что родителям необходимо «имети попечение <...> о чадах своих, снабдити их и воспитати в добре наказании, и учити страху Божию и вежству, и всякому благочинию <...> любити ихъ и беречи...» (Домострой, 2000, с. 130). Мотив любви к детям объективируется через афоризм из Священного Писания: детей должно «хранити <...> от всякаго греха <...> якоже зеницу ока и яко своя душа». Приведенная цитата подтверждает, что наибольшую ценность для родителей должен представлять религиозно-нравственный идеал – хранение чад от греха. Обозначенный тезис отражает аксиологию «Домостроя»: в вопросах воспитания главное – следование христианским идеалам и ценностям, родители несут ответственность за духовное спасение детей в жизни вечной.

Особое место в «Домострое» отведено наставлениям об обязанностях детей по отношению к родителям. В этой группе поучений прослеживаются реалистические элементы, которые раскрываются через стремление с художественной правдивостью (Адрианова-Перетц, 1960, с.

9) изобразить то, что ждет почитающих и не почитающих родителей. В одном из поучений (Домострой, 2000, с. 134) отмечается, что любящие родителей «от Бога помиловани» будут и от человек прославлены, «возвеселитися имуть о чадах своих», «в день печали избавит их Господь Богъ»; Бог «подасть имъ вся благая»; почитающий мать «волю Божию творит», угождающий «во благихъ поживет». Напротив, непослушные отцу и матери «не поживутъ дней своихъ», «обещникъ есть нечестивымъ», «ихъ нечестивый именована, иже бесчествуют родителя своя и паки насмехающагося отцу и укаряюща старость материю».

Любовь к отцу и матери также выражается в молитве об упокоении их души: «...приходи с милостынею и с приношениемъ за здравие и по родителехъ преставльшихся память твори со всякою чистотою, и самъ воспоминаюень будещи от Бога» (Домострой, 2000, с. 164). В приведенном примере поднимается значимая для древнерусской книжности тема поминовения усопших после смерти, носившая «аксиологический характер устройства жизни “будущего века”» (Дергачева, 2021, с. 158). «Домострой» учит чад молиться о почивших родителях, приходит в храм с милостыней и приношением за них. Согласно сборнику, забота детей о родителях не заканчивается земной жизнью, но продолжается и после их смерти: должно «устраивать» их душу, «облегчая ей переход в “жизнь вечную” и даруя возможность “небесных благ наслаждения”» (Дергачева, 2021, с. 159).

Заключение

Таким образом, художественная специфика семейного дискурса в «Домострое» раскрывает аксиологические ориентиры древнерусской книжности. В наставлениях сборника четко прослеживается принцип христианского символизма: жизнь отдельного человека и его семьи изображается как путь к жизни вечной. Наставления сборника направлены на то, чтобы семья жила так, как в «сей памяти писано», то есть достигла духовного спасения.

Список источников / References

1. Адрианова-Перетц, В.П. (1974). К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 28 (с. 3—30). Л.: Наука, Ленинградское отделение.
Adrianov-Peretz, V.P. (1974). On the circle of reading of the Early Russian writer. In *Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 28 (pp. 3—30). Leningrad: Science, Leningrad branch. (In Russ.)
2. Адрианова-Перетц, В.П. (1960). О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 16 (с. 5—35). М., Л.: Издательство Академии наук СССР.
Adrianova-Peretz, V.P. (1960). On Realistic Tendencies in Old Russian Literature (11th—15th Centuries). In *Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 16 (pp. 5—35). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
3. Буслаев, Ф.И. (1990). *О литературе: исследования, статьи*. М.: Художественная литература.
Buslaev, F.I. (1990). *On literature: research, articles*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

4. Демин, А.С. (2009). *Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII в.)*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
Demin, A.S. (2009). *Poetics of Old Russian Literature (11th–13th centuries)*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnej Rusi. (In Russ.)
5. Дергачева, И.В. (2021). Документальная практика устройства души. В: В.А. Воропаев, И.В. Дергачева, Е.Л. Конявская, В.В. Мильков. *Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв.* (с. 154—162). М.: Индрик.
Dergacheva, I.V. (2021). Documentary practice of the arrangement of the soul. In: V.A. Voropaev, I.V. Dergacheva, E.L. Konyavskaya, V.V. Milkov. *Thanatological theme in Russian literature of the 11th–21st centuries* (pp. 154—162). Moscow: Indrik. (In Russ.)
6. Дергачева, И.В. (2017). Лекарство душевное — воспоминание смертное. *Язык и текст*, 4(4), 78–84. <https://doi.org/10.17759/langt.2017040406>
Dergacheva I.V. (2017). The medicine of the soul — a remembrance of death. *Language and Text*, 4(4), 78–84. <https://doi.org/10.17759/langt.2017040406> (In Russ.)
7. Домострой (2000). В: *Библиотека литературы Древней Руси. Том 10* (с. 116—215). С.-Пб.: Наука.
Domostroy (2000). In: *Library of Literature of Old Rus. Vol. 10* (pp. 116–215). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
8. Забелин, И.Е. (2014). *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях*. М.: Институт русской цивилизации.
Zabelin, I.E. (2014). *Domestic life of Russian princesses in the 16th and 17th centuries*. Moscow: Institut russkoj tsivilizacii [Institute of Russian Civilization]. (In Russ.)
9. Ищенко, О.В. (2005). «Домострой» как энциклопедия жизни средневековой Руси. *Проблемы истории культуры: сборник научных трудов*, 2, 118—126. Нижневартовск.
Ishchenko, O.V. (2005). "Domostroy" as an encyclopedia of life in medieval Rus'. *Problems of the history of culture: a collection of scientific papers*, 2, 118—126. Nizhnevartovsk. (In Russ.)
10. Канюк, А.С. (2024). Историко-культурный взгляд на образ женщины в эпоху «Домостроя». *Вестник Гжельского государственного университета*, 6, 184—194.
Kanyuk, A.S. (2024). Historical and cultural view of the image of women in the era of "Domostroy". *Bulletin of Gzhel State University*, 6, 184—194. (In Russ.)
11. Колесов, В.В. (2007). Домострой как памятник средневековой культуры. В: В.В. Колесов, В.В. Рождественская. *Домострой* (с. 301–356). СПб.: Наука.
Kolesov, V.V. (2007). Domostroy as a monument of medieval culture. In: V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaya. *Domostroy* (pp. 301–356). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
12. Колесов, В.В. (2006). *Русская ментальность в языке и тексте*. СПб.: Петербургское Востоковедение.
Kolesov, V.V. (2006). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie [Petersburg Oriental Studies]. (In Russ.)

Степанова М.С. (2025)
Художественная специфика семейного дискурса в
«Домострое»
Язык и текст, 12(3), 77—85.

Stepanova M.S. (2025)
Artistic specificity of the family discourse in
Domostroy
Language and Text, 12(3), 77—85.

13. Конявская, Е.Л. (2016). Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков. *Язык и текст*, 3(2), 23—30. <https://doi.org/10.17759/langt.2016030203>
Konyavskaya E.L. (2016). The topic of the end of life in the treaty ratification of the Russian princes in the XIV – XV centuries. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, vol. 3, no. 2, pp. 23—30. <https://doi.org/10.17759/langt.2016030203> (In Russ.)
14. Кусков, В.В. (2003). *История древнерусской литературы*. М.: Высшая школа.
Kuskov, V.V. (2003). *History of Old Russian Literature*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
15. Лихачев, Д.С. (2000). Литература «государственного устройства». В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Том 10 (с. 5–17). СПб.: Наука.
Likhachev, D.S. (2000). Literature of "state structure". In: *Library of Literature of Ancient Rus*. Vol. 10 (pp. 5–17). SPb.: Nauka.
16. Лихачев, Д.С. (1979). *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука.
Likhachev, D.S. (1979). *Poetics of Old Russian Literature*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
17. Лихачев, Д.С. (2015) *Человек в литературе Древней Руси*. СПб.: Азбука.
Likhachev, D.S. (2015) *Man in the Literature of Ancient Rus'*. SPb.: Azbuka. (In Russ.)
18. Малков, П.Ю. (2017). Учение прп. Максима Исповедника об образе и подобии Божиих в человеке: синергийный аспект. *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия*, 71, 11–29.
Malkov, P.Yu. (2017). The Teaching of St. Maximus the Confessor on the Image and Likeness of God in Man: The Synergistic Aspect. *Bulletin of PSTGU. Series 1: Theology. Philosophy*, 71, 11–29. (In Russ.)
19. Найденова, Л.П. (1996). «Свои» и «чужие» в Домострое. Внутрисемейные отношения в Москве XVI века. В: Ю.Л. Бессмертный (ред.). *Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени* (с. 290–304). Москва.
Naidenova, L.P. (1996). "Ours" and "Strangers" in Domostroy. Intra-family Relations in Moscow of the 16th Century. In: Yu.L. Bessmertny (ed.). *Man in the Family Circle: Essays on the History of Private Life in Europe before the Beginning of Modern Times* (pp. 290–304). Moscow. (In Russ.)
20. Найденова, Л.П. (2003). *Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права)*. М.: Издание Сретенского монастыря.
Naidenova, L.P. (2003). *The World of Russian People in the 16th–17th Centuries (Based on Domostroy and Legal Monuments)*. Moscow: Sretensky Monastery Publications. (In Russ.)
21. Никифоров, С.Д. (1947). Из наблюдений за языком «Домостроя» по Коншинскому списку. *Ученые записки*. Том 42 (с. 15–89). М.: Издание МГПИ имени В. И. Ленина.
Nikiforov, S.D. (1947). From observations on the language of "Domostroy" according to the Konshinsky list. *Scientific notes*. Volume 42 (pp. 15–89). Moscow: Edition of the Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin. (In Russ.)
22. Пушкарева, Н.Л. (1989). *Женщины Древней Руси*. М.: Мысль.

Степанова М.С. (2025)
Художественная специфика семейного дискурса в
«Домострое»
Язык и текст, 12(3), 77—85.

Stepanova M.S. (2025)
Artistic specificity of the family discourse in
Domostroy
Language and Text, 12(3), 77—85.

Pushkareva, N.L. (1989). *Women of Ancient Rus'*. M.: Mysl. (In Russ.)

23. Туфанова, О.А. (2020). «Кто ково любить, тотъ о томъ печется...»: мотив любви к детям в творчестве протопопа Аввакума. *Вестник славянских культур*, 56, 89—100.

Tufanova, O.A. (2020). "Whoever loves someone, cares about them...": the motif of love for children in the works of Archpriest Avvakum. *Bulletin of Slavic Cultures*, 56, 89—100. (In Russ.)

24. Тюпа, В.И. (2008). Деталь. В: Н.Д. Тamarченко (ред.). *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* (с. 54). М.: Издательство Кулагиной; Intrada.

Tyupa, V.I. (2008). Detail. In: N.D. Tamarchenko (ed.). *Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts* (p. 54). Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. (In Russ.)

25. Черная, Л.А. (2008). *Антропологический код древнерусской культуры*. М.: Языки славянских культур.

Chernaya, L.A. (2008). *Anthropological code of ancient Russian culture*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur [Languages of Slavic cultures]. (In Russ.)

26. Чумакова, Т.В. (2001). «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество.

Chumakova, T.V. (2001). "Many images are seen in human life". *The image of man in the culture of Ancient Rus*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo [St. Petersburg Philosophical Society]. (In Russ.)

Информация об авторе

Мария Сергеевна Степанова, магистр лингвистики, специалист по учебно-методической работе Сретенской духовной академии, Сретенская духовная академия, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8925-6038>, e-mail: litzma655@gmail.com

Information about the author

Maria S. Stepanova, Master of Linguistics, specialist in educational and methodological work at the Sretensky Theological Academy, Sretensky Theological Academy, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8925-6038>, e-mail: litzma655@gmail.com

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25